

В несколько измененном виде формула «избити—изымати» сохраняется и в позднем летописании. Так, в описаниях событий XV в. в Типографской летописи мы встречаем ряд литературных формул, напоминающих формулы Ипатьевской летописи. Например: «Того же лѣта идеша татарове казанские и взяша городокъ Устюжский Кичменгу и множество изсѣкоша, а иныхъ въ полонѣ поимаша» (Типогр. лет., под 1468 г., стр. 186); «Тое же осени приходиша татарове отъ Болшие Орды и воеваша около Рязани села и волости и множество изсѣкоша, а иныхъ в полонѣ поимаша» (там же, стр. 187); «... наши же приидоша безъ вѣсти подъ Казань и мало города не взяша, посады же пожгоша, безбожныхъ же ту на посадѣ множество побиша, иныхъ же плѣниша» (там же, под 1469 г., стр. 188). Возможно, что отражение этой литературной формулы встречаем и в «Ином сказании»: «И гнаша же во вслѣдъ ихъ, женуше и сѣкуше, и многое ихъ множество побиша, овѣхъ же живыхъ плѣниша».⁴⁷

Были ли эти эволюции литературных формул отражением аналогичных изменений устойчивых оборотов в устной речи или отражали «литературную судьбу» когда-то живой речевой формулы, судить трудно: слишком ограничены наши сведения о разговорном языке Древней Руси.

При изучении явлений литературного этикета мы должны обратить особое внимание на сложное взаимодействие двух противоречащих тенденций древнерусской литературы: тенденции к точному воспроизведению явлений действительности и тенденции к обобщенному, схематизированному изображению таких явлений по нормам литературного этикета. Иначе говоря, нам важно установить, что из изображенного в данном описании имело место в жизни, что воссоздано автором по схеме литературного этикета из «готового материала» (литературных формул, языковых шаблонов и т. д.) и что является чистым вымыслом, «литературной фикцией».⁴⁸ Иногда «чистая литературность» какого-либо описания, характеристики и тому подобного довольно очевидна. Достаточно, например, сопоставить фрагменты из Повести временных лет и Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку), чтобы установить искусственность содержащейся в последней характеристики ростовского епископа Луки.

Лаврентьевская летопись

Бысть же съ мужь молчаливъ, милостивъ къ убогимъ и вдовицам, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, рѣчью и дѣломъ утѣшая печалныя, по истинѣ добрыи пастухъ, иже пасть словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с рассмотренъем, блюда ихъ и бдя за нь день и ночь... и прехода от дѣла в дѣло уншее и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, тѣмьянь благовонныи... (под 1185 г., стлб. 391).

Повесть временных лет

Бысть же Иоанъ ... милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ ... книгами святыми утѣшая печалныя ... (под 1089 г., стр. 137). ... прореченье ... Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и рассмотренъем, блюда ихъ и бдя за не ... прехода от дѣла в дѣло уншее, и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, темьянь благовонный (под 1091 г., стр. 140).

(там же, под 1160 г., стлб. 507), см. также стлб. 364, 382, 432, 442, 443, 449, 475, 479, 507 и мн. др.

⁴⁷ «Иное сказание». — В кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. СПб., 1909 (РИБ, т. XIII), стлб. 110.

⁴⁸ Мы можем ставить вопрос о «литературном вымысле» для тех жанров древнерусской литературы, которые претендовали на воспроизведение фактов (летописание и агиография), хотя в действительности и летописи, и жития являлись литературными произведениями.